

Не погибшие в бою

Когда мы радостно отмечаем день освобождения, нам необходимо осознавать, что этому событию предшествовал день порабощения.

Для любого человека это трагедия. Ещё бы! Оставаясь в своем родном доме, ты вдруг оказываешься, по сути своей, в чужой стране: со своими законами и порядками. А ведь таких людей в 1941 – 1944 годах было миллионы. Были среди них и новгородцы.

Но кто-то испил еще более горькую чашу. Вставшие по приказу Родины на её защиту, зачастую не имея ни нормального оружия, ни минимального боевого опыта, они сгинули в первые месяцы Великой Отечественной. Среди них был и мой родной дед, рабочий из-под Донецка. Он пропал без вести где-то в первые месяцы войны в боях на Украине...

Отношение государств к своим военнопленным весьма различается. Кто-то видит в них мучеников и героев, а кто-то – предателей и трусов. Где-то бывших пленников награждают специальными медалями, а где-то...

Нельзя сказать, что в Советском Союзе это трагическое явление полностью замалчивалось. Можно вспомнить хрестоматийную «Судьбу человека» Михаила Шолохова (1956 г.). Но советскому читателю все реалии нацистского плена подавались исключительно как подвиг духа, как форма мученичества советского человека.

Фильм «Чистое небо» фронтовика Григория Чухрая (1961 г.) стал одним из любимых у кинозрителей первой половины 60-х годов. Трагическая судьба советского лётчика, который стал человеком второго сорта, побывав в немецком плену, взволновала очень многих. Фильм заканчивался хорошо. После смерти Сталина главному герою возвращают золотую звезду Героя Советского Союза, и он возвращается к любимой профессии. Но в 1970-е годы этот фильм почти не демонстрировался ни в кино, ни на телевидении, так как в нём явно прослеживалась тема послевоенного террора, что не соответствовало просталинским настроениям того времени. Об этой картине и её роли для советского кинематографа опять вспомнили лишь с наступлением перестройки, в 1987 году.

Я сейчас вспомнил о художественных произведениях. Жизнь же часто была более жестокой и беспощадной к людям, пережившим ад нацистских лагерей.

Известный израильский писатель и ученый Арон Шнеер в своей книге «Плен» пишет: «Плен – неотъемлемая часть любой войны. Плен – это трагедия человека, лишённого свободы, подвергаемого унижению. Плен – это испытание не только физическое, но и духовное, которое сопровождается как разрушением личности, так и ее становлением. В неволе написаны «Репортаж с петлей на шее» Юлиуса Фучика и «Моабитская тетрадь» Мусы Джалиля».

Я читаю эти строки, и мне становится горько и больно. Ведь старший политрук Муса Джалиль, попавший в плен тяжелораненым под Новгородом (чуть позднее он напишет: «Прости меня, твоего рядового, Самую малую часть твою. Прости за то, что я не умер Смертью солдата в жарком бою»), почти десять лет числился на родине предателем и изменником!

В 1946 году МГБ СССР завело розыскное дело на известного татарского поэта. Он обвинялся в измене Родине и пособничестве врагу. В апреле 1947 года имя Мусы Джалиля было включено в список особо опасных преступников. Часть его стихов, написанных в плену, оказалась безвозвратно утерянной. Потребовались и сложное исследование позиции Константина Симонова, чтобы «Моабитская тетрадь» стала известна миллионам.

Согласно данным Генерального штаба Вооружённых Сил РФ, в 1941 – 1945 году в плен попали 4 миллиона 559 тыс. человек. Большая часть этих потерь приходится на началь-

ный период войны. Но кроме оказавшихся в окружении или захваченных врагом в бессознательном состоянии, было немало и перебежчиков. Их переход на сторону врага можно объяснить как успехами немецких войск, реалиями сталинской предвоенной политики, так и изощренностью и профессионализмом нацистской пропаганды.

Гитлеровцы ханжески утверждали, что страшное положение советских военнопленных связано с тем, что СССР не подписал Женевскую конвенцию 1929 года об обращении с военнопленными. На самом деле соблюдение конвенции не основано на принципе взаимности. Её 82-я статья говорит: «Если на случай войны одна из воюющих сторон окажется не участвующей в конвенции, тем не менее, положения таковой остаются обязательными для всех воюющих, конвенцию подписавших».

Советское правительство не считало нужным подписывать Конвенцию, потому что присоединилось к Гаагской конференции, содержащей все те важнейшие положения, что и Женевская. Кроме этого, как отмечает Арон Шнеер: «Одной из причин, по которым Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию в целом, было несогласие с разделением пленных по национальному признаку. По мнению руководителей СССР, это положение противоречило принципам интернационализма».

Западные страны оказались более прагматичными и на деле стараясь предотвратить конфликты, которые могли возникнуть в условиях плена, выступали за разделение пленных по национальному признаку. Отказ же СССР от подписания конвенции позволил нацистам использовать этот факт и оставить советских пленных без всякой защиты и контроля со стороны Международного Красного Креста и других организаций, помогавших пленным западных стран».

Трагедия советских военнопленных во Второй мировой войне не имеет аналогов в военной истории. По отношению к этим людям нацистской Германией, её военнотружущими проводился настоящий геноцид. В самые страшные месяцы осени-зимы 1941 – 1942 гг. пленные красноармейцы умирали от голода и холода, заразных болезней, жестокого обращения. Отталкиваясь от своей арийской теории превосходства над остальными народами, гитлеровцы максимально пытались оскотинить этих людей.

Сотрудниками Геббельса распространялась информация о разброде и беспорядках в рядах Красной армии. Анализируя ход военных действий, немецкая пропаганда подчёркивала не только бессмысленность, но и преступность какой-либо борьбы с Германией. Фотографии пленных или сдающихся в плен предварялись надписью: «В плену у освободителей».

Нацисты пытались использовать в целях пропаганды и внешний вид красноармейцев, при этом вся вина перекладывалась на советскую сторону. В статье «Несчастные и счастливые» писалось о том, как «с каждым днём увеличивается число русских военнопленных. Большими партиями проходят они по городу под охраной немецких солдат. Жалко смотреть на них... Что сделали с русским народом большевики?»

Но на самом деле преступления против военнопленных творили гитлеровцы и их союзники. Под Новгородом с Красной армией сражались как немцы, так и испанцы из «Голубой дивизии». С первыми пленными красноармейцами они столкнулись в самом начале своего пешего похода по территории СССР. Так, в одном из дневников испанского солдата 28 августа 1941 года была сделана следующая запись: «Через лагерь проходит колонна русских пленных. Они едят траву».

Сохранилось немало фотографий советских военнопленных как в новгородском кремле, так и в ок-

рестностях Новгорода. Они не производят впечатление умирающих доходяг. Ведь рабочую скотинку нужно подкармливать.

Те красноармейцы, которые поверили немецкой пропаганде и перебежали на сторону Вермахта, чтобы успеть разделить колхозную землю, были вынуждены несколько задержаться в непосредственной близости от линии фронта. За грядущее «освобождение от ига жидо-большевизма» нужно было заплатить. Поэтому пленные использовались в качестве тягловой силы в условиях бездорожья. Они тащили на себе запасы, выстраивали окольные пути через лощины у сгоревших мостов.

Вера в скорую победу немецкого оружия у многих советских военнопленных стала пропадать с первыми морозами. Немецкое командование в этих условиях могло предложить «честным хлебоборам, одетым в красноармейские шинели» смерть от голода и холода в своих лагерях. Испанцы же вполне спокойно приняли тот факт, что их новые русские и украинские друзья готовы вновь перебежать через линию фронта: «В этот драматический момент русские военнопленные, которые предпочли идти с нами, решили уйти к своим товарищам. Несмотря на наши советы остаться с нами, они ушли, и это было справедливо. Они вели себя великолепно, помогая нам эвакуировать раненых».

Это же подтверждает и советский командир Александр Добров,

Казнь в лагере для военнопленных

воевавший под Новгородом: «Некоторые из перебежчиков начали возвращаться обратно к нам. Встречали их, естественно, без распростертых объятий. Вот прибежит один такой, а мы его, конечно, спрашиваем:

– Ну как, свободолюбивый крестьянин, получил обещанную землю? Много вас немцы отправили в Чернигов?»

А он отвечает, что не сдавался добровольно, а его немцы в плен взяли силой. В Чернигов они, вопреки своим обещаниям, никого не отправили, сказав, что сначала надо помочь Рейху.

Тёплую одежду немцы отобрали для своих солдат, а перебежчиков переодели в свою летнюю и заставили их, вместо лошадей, возить боеприпасы через Волхов. Суточная норма питания для перебежчиков была установлена немцами в пять варёных в мундире картошек. Хлеба совсем не давали.

Мы этих возвращенцев отправляли в особый отдел, который и разбирался с ними».

Правда, американские авторы Кляйнифилд и Тамбс утверждают, что советским солдатам в испанском и немецком плену очень понравилось: «Испанцы заставили работать пленных. Их были сотни, и они были прикреплены к частям. Знакомство с испанцами и их веселым духом завоевали сердца многих бывших красноармейцев. Роты использовали русских, чтобы копать укрытия. Их задействовали как поваров, ординарцев, носильщиков, санитаров; их также одалживали более крупным войсковым подразделениям для более тяжёлых работ. Русские и украинцы на эти работы шли очень охотно».

Таких историй очень много. Один невезучий испанский солдат

Пленные воины РККА в Новгородском кремле

пал жертвой холода. Поставленный охранять группу пленных, он потерял сознание от холода. Заботливые пленные тут же развели костер и согрели его. Как только он пришёл в себя, ему вернули ружье, и он продолжил охранять их».

Я думаю, что о подобном явлении до этого уже написал Николай Гоголь. Эти «заботливые пленные», описываемые американскими историками, очень напоминают мне унтер-офицерскую вдову, которая, как известно со слов градоначальника, сама себя высекала. Хотя, быть может, здесь мы сталкиваемся с разновидностью «стокгольмского синдрома» – взаимной или односторонней симпатией, возникающей между жертвой и агрессором. «Любовь» к испанцам могла возникнуть у пленных также после того, как они увидели отношение к «унтерменшам» со стороны немецких солдат.

Казнь в лагере для военнопленных

Последние зачастую убивали «иванов» просто так – для развлечения.

В испанских воспоминаниях встречаются упоминания о том, что для постройки оборонительных сооружений активно использовался труд советских военнопленных. «15 января, когда солдат Абелардо Пенья перевозил брёвна для фортификационных сооружений в Кремле, он наткнулся на мину, был тяжело ранен и умер на следующий день в полевом госпитале в Григорово. Этот госпиталь был размещён в одном из лагерей русских военнопленных, которые заготавливали древесину для убежищ 262-го полка, командиром которого был полковник Пиментель».

От реалий войны страдали и камни, и люди. Но несколько лицемерным выглядит следующее утверждение испанского офицера: «Между нами и военнопленными была связь. Мы пытались помочь им в питании, а они нам – в очистке дорог». «Помощь» закончилась тем, что большинство из этих людей не смогло пережить зиму 1941 – 1942 года.

Население в Новгороде практически отсутствовало. Оно было почти полностью эвакуировано в тыл. На Софийской стороне оставалось лишь несколько семей, которым некуда было ехать. Но они не могли оказать нашим пленным хоть какой-либо поддержки, так как сами выжили из последних сил.

Очень хорошо известны гитлеровские лагеря уничтожения на территории Польши и Германии: Освенцим, Дахау, Треblinka, Собибор. Лагеря на оккупированной территории СССР, где умирали тысячи советских военнопленных, известны гораздо меньше. Все их объединяет одно: они стали местом вечного упокоения для тысяч советских военнопленных.

Трагедия советской действительности заключалась в том, что на фоне всеобщей радости после победы над врагом любая негативная информация находилась под фактическим запретом.

Материалы о немецких злодеяниях по отношению к военнопленным собирали представители различных государственных и правоохранительных органов. Нужно было не только определить размер ущерба, нанесённого оккупацией, но и привлечь к ответственности военных преступников. Первые документы были подготовлены сотрудниками органов госбезопасности уже через несколько месяцев после освобождения. Но все они использовались исключительно «для служебного пользования». Это «слово правды» стало нам известно только через многие десятилетия.

Наша страна и особенно наши люди оказались по отношению к пленным из европейских стран гораздо более милостивыми, чем они к нам. Это видно хотя бы по статистике: сколько их скончалось у нас в лагерях военнопленных до конца 40-х годов. Сохранилась хроника прогона немцев по Невскому проспекту летом ещё блокадного 1942 года. Она производит жутковатое впечатление. Человек 20 немецких солдат, многие из них ранены. Зрителей гораздо больше. Для сражающегося города подобное шествие было тогда необходимо, чтобы убедиться в том, что Ленинград не только защищается, но и наступают. Уже после войны пленные строили и восстанавливали здесь дома, свободно ходили по квартирам, меняли свои поделки на еду и папиросы. Старые ленинградцы ещё помнят, как расконвоированные бывшие солдаты Вермахта отдавали честь советским офицерам, а последние отвечали им тем же.

Пафосом наполнен документальный фильм «Проконвоирование пленных немцев через Москву». Ещё бы! В «параде победённых» тогда, 17 июля 1944 года, приняла участие почти 60 тысяч немецких солдат и офицеров! Их перед этим хорошо накормили, однако умыть не дали. Так они и шли через центральные улицы столицы на протяжении нескольких часов.

Однако здесь речь шла не только о самоутверждении со стороны советских властей. Союзники СССР – Великобритания и США – засомневались в грандиозном поражении немцев в Белоруссии (уничтожено или взято в плен в общей сложности 400 тысяч немецких военнослужащих). Представилась отличная возможность продемонстрировать успехи Советского Союза на фронте и в тылу, поднять боевой дух жителей столицы. Это удалось тогда сделать в полной мере. Адольф Гитлер был в ярости. Союзники же III Рейха ещё активнее стали искать возможности переговоров со странами антигитлеровской коалиции.

В освобождённом и разорённом Новгороде в это же время в кремле бригада из восьми человек восстанавливала памятник «Тысячелетие России». Об этом событии гордо писала областная «Ленинградская правда». Ведь для жителей не только города, но и всей нашей страны его возрождение символизировало освобождение и победу.

Борис КОВАЛЁВ,
доктор исторических наук,
профессор, ведущий научный
сотрудник Санкт-Петербургского
института истории РАН

Шли на помощь Ленинграду...

В прошлую среду в памятном зале «Монумента героическим защитникам Ленинграда», филиале Государственного музея истории Санкт-Петербурга, состоялась презентация издания «Книга памяти. Мы шли на помощь тебе, блокадный Ленинград».

Оно подготовлено постоянным представительством Республики Татарстан в Санкт-Петербурге и Ленинградской области совместно с заведующим Музеем-мемориалом Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Национального музея Республики Татарстан Михаилом Валерьевичем Черепановым.

Михаил Черепанов хорошо знаком новгородским поисковикам. В далёком 1981 году он был руководителем небольшой группы студентов Казанского государственного университета, приехавшей на Новгородскую землю для сбора материалов о своём земляке, татарском поэте Мусе Джалиле, сотруднике газеты «Отвага» Второй Ударной армии. Именно с этого приезда началась история многолетнего поиска казанских следопытов из отряда «Снежный десант» на местах боёв под Мясным Бором. С первого похода в августе 1981 года на место штаба Второй Ударной началась и история поисковой экспедиции «Долина» имени Николая Ивановича Орлова.

На сегодняшний день 29 685 уроженцев и жителей Татарстана

Возложение цветов к Монументу героическим защитникам Ленинграда

могут быть названы погибшими под Ленинградом. Из них около 11 тысяч сложили свои головы на территории Новгородской области. Книга памяти содержит поимённые биографические данные о 18 467 воинах - уроженцах и жителях Татарстана, погибших в боях, умерших в госпиталях и в плену на территории нынешней Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Книга издана на средства татарских спонсоров.

Михаил ЧЕРЕПАНОВ передаёт экземпляр Книги памяти директору Музея обороны и блокады Ленинграда Елене ЛЕЗИК

В настоящее время, как сказал Михаил Черепанов, готовится к изданию новгородский том Книги памяти. По объёму он будет практически таким же, как и первый. Поисковики Татарстана сейчас участвуют в работе экспедиции «Долина» в ходе проведения весенней

Вахты Памяти на новгородской земле. Каждый из поисковых походов пополняет общую копилку памяти новыми находками, новыми именами.

Александр ОРЛОВ

Фото автора